

и эпоха студенческого бунта и террора 60–70-х) были в глазах Висконти отражением судьбы его самого и того поколения, к которому он принадлежит.

ИЛЛЮЗИИ «ПЕРЕВЕРНУТОГО» МИРА: БЕГ В НИКУДА, ИЛИ ПОИСК НОВЫХ ОСНОВАНИЙ В КУЛЬТУРЕ XX ВЕКА

О. В. Федорова

Уральский госуниверситет

Культура XX века – это своеобразная культура «вывихнутого» века. Роковое технократическое начало устанавливает свои правила в век «ускорений», в век «быстрой смены технологий». Ускорение вовне переходит во внутреннее ускорение. Небывалое движение в глубине бытия приводит к девальвации душевных качеств личности. Разум одерживает блестящую победу. Он злорадуется, восседая на троне посреди «кровавого пира», заставляя вечные ценности прислуживать ему. Однако среди безупречных исполнителей чужой воли, гедонистов и прагматиков появляется бунтарь. Человек XX века пытается выйти за границы, очерченные разумом. А. Бретон писал, что элементарное сюрреалистическое действие – взять револьвер, выйти на улицу и палить куда угодно. Что это – безумие, бред, болезнь? Чтобы смести разум – эту «назойливую труху», – сюрреалисты не могли предложить ничего иного, как только предстать перед потрясенным цивилизованным миром в роли сумасшедших, чудовищ, негодяев. Радикальные мятежники хотели переделать мир и изменить жизнь. И хотя история сюрреализма – это история безумного бунта и абсурдного вызова, она заставляет нас задуматься. Может, тогда и мы прекратим разглагольствовать о морали и «священных» ценностях, перестанем быть сторонними наблюдателями безумного времени и закончим грандиозный эксперимент по отстранению от власти разума. Мысль, конечно, спорная и опасная. Но разве плохо было бы перевернуть «перевернутый» мир? Андрей Белый говорил, что «конечная цель культуры – в переделке человечества». Так давайте оторвемся от иллюзий, которые несет технократическое общество, прекратим непрерывный бег в погоне за мнимыми идеалами и обратим свой взор к незаме-

ченному ранее. М. А. Булгаков писал: «Все пройдет. Страдания, муки, кровь, голод и мор. Меч исчезнет, а вот звезды останутся... Так почему же мы не хотим обратить свой взгляд на них? Почему?»

ФЕНОМЕН ПОСТШЕСТИДЕСЯТНИЧЕСТВА В ПОЗДНЕМ СОВЕТСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ

Н. М. Чернышева

Пермский государственный технический университет

Вводя термин «постшестидесятичество», мы вкладываем в него следующее содержание: как и шестидесятичество – это в меньшей степени хронологическое обозначение. Перед нами самостоятельное социокультурное явление. Не семидесятичество, потому что культурный мейнстрим переносит настроение и ценностно-смысловую систему шестидесятых в следующее десятилетие. С другой стороны, определенная часть общества почувствовала разочарование в идеалах шестидесятников задолго до начала семидесятых. «Пост», в данном случае, не только и не столько «после». По аналогии с постимпрессионизмом, постмодернизмом в данной приставке сконцентрированы те сложные и противоречивые отношения, которые связывают постшестидесятичество с предшествующим социокультурным феноменом. Очевидно наличие преемственности, прямого родства, так как шестидесятичество было почвой, взрастившей наследника в сфере духовных исканий. Однако не менее очевидно, что постшестидесятники воспринимали идеи, наработанные предыдущей генерацией и уже растворившиеся в обществе, как трамплин, от которого они отталкивались, отправляясь блуждать на ощупь в поисках предельных оснований человеческого бытия.

В качестве персоналий можно назвать таких режиссеров, как А. Тарковский, К. Муратова, И. Авербах, М. Калик, Л. Шепитько, Д. Асанова, позже к ним присоединятся Г. Данелия, В. Абдрашитов, А. Миндадзе. Большинство из них начинало свое творчество в русле шестидесятичества, но с течением времени эти мировоззренческие рамки стали узки и потребовался выход за их пределы.

Поздний советский кинематограф относится к периоду, традиционно именуемому застоем. Если воспользоваться схемой Владимира